

Открывая книжные страницы...

** ОБЗОРЫ*

** СПИСКИ*

** МЕТОДИЧЕСКИЕ
РЕКОМЕНДАЦИИ*

«Свобода сердца моего»

Министерство культуры, национальной политики
и архивного дела Республики Мордовия

ГБУК «Национальная библиотека им. А. С. Пушкина
Республики Мордовия»

Отдел гуманитарной литературы

Открывая книжные страницы...

«Свобода сердца моего»

Методико-библиографический материал
к 110-летию Ольги Берггольц

Саранск
2020

УДК 02
ББК 78.38
С25

Составитель *М. Г. Костина*
Редакторы: *Т. В. Овсянникова, В. В. Кочеткова*
Ответственный за выпуск *О. И. Чавкунькина*

С25 **«Свобода сердца моего»** : методико-библиографический материал к 110-летию Ольги Берггольц / Министерство культуры, национальной политики и архивного дела Республики Мордовия, Национальная библиотека им. А. С. Пушкина Республики Мордовия, Отдел гуманитарной литературы ; составитель М. Г. Костина ; редакторы: Т. В. Овсянникова, В. В. Кочеткова. – Саранск, 2020. – 48 с. – (Открывая книжные страницы...).

УДК 02
ББК 78.38

© ГБУК «Национальная библиотека им. А. С. Пушкина Республики Мордовия», 2020

2020 год объявлен в России Годом памяти и славы в честь 75-летия Победы в Великой Отечественной войне. В рамках мероприятий, посвященных этой памятной дате, мы обратились к творчеству Ольги Фёдоровны Берггольц (1910–1975), 110-летие которой отмечается в этом году.

Ольга Фёдоровна была не просто известным советским поэтом, прозаиком и публицистом, но и личностью по-своему легендарной: её имя навсегда связано с Ленинградом, с трагическими днями блокады, с героической обороной города в годы Великой Отечественной войны.

Её судьба – это судьба человека, в которой история с особой силой и безжалостностью запечатлела главнейшие черты эпохи. Она действует подобно скульптору и, хотя имеет дело не с камнем, а с человеком, работает порой теми же инструментами – по живому телу, по обнаженной судьбе. Такие люди словно избраны именно для этой высокой цели – донести в своих стихах, через свое творчество всю правду о том времени, о поколении, которое смогло выстоять и победить. Недаром – в годы блокады – Ольга Берггольц прямо сказала:

Неся избранье трудное свое,
из недр души
я стих свой выдирала,
не пощадив живую ткань её...
(«Твой путь»)

Великая Отечественная война – знаменательное историческое событие в жизни не только каждого россиянина, но и всего человечества.

Уроки этой войны имеют огромное значение для политики государственных лидеров разных стран. Многие из них стремятся сейчас принизить и извратить эти уроки, нанося тем самым

огромный удар по исторической памяти о войне. Это удар по будущему каждой семьи и России в целом. И защититься от этого поможет только память, память народа, которая запечатлена в творчестве Ольги Берггольц.

Предлагаемый материал окажет существенную помощь библиотекарям и учителям в проведении массовых мероприятий, открытых уроков по литературе. Знакомство с творчеством и биографией Ольги Берггольц поможет почувствовать, понять всю жестокость 30-х годов, когда работала «машина репрессий», и все ужасы войны 1941–1945 гг.

Методико-библиографический материал предназначен библиотекарям публичных библиотек, учителям и преподавателям русской литературы, занимающимся организацией массовых и внеучебных мероприятий, и всем, кому небезразлична русская литература.

Я вам говорю, что нет
напрасно прожитых мной лет,
ненужно пройденных путей,
впустую слышанных вестей.
Нет невоспринятых миров,
нет мнимо розданных даров,
любви напрасной тоже нет,
любви обманутой, больной,
её нетленно-чистый свет
всегда во мне,
всегда со мной.

И никогда не поздно снова
начать всю жизнь,
начать свой путь,
и так, чтоб в прошлом бы – ни слова,
ни стона бы не зачеркнуть.

Ольга Берггольц

Испытания на разрыв: жизнь и творчество О. Ф. Берггольц

«...У незнакомки были светло-льняные волосы... глаза тоже лен, но не желтый. А голубой... Взгляд был прям, обнажен и бесстрашен до отчаянья. Такая же обнаженность, такое же бесстрашие ощущалось в её речах. А познакомившись, мы говорили с ней много и о многом...» – такой запомнилась Ольга Берггольц поэту С. Наровчатovu в июньские дни 1940 года...

1940 год, за плечами много пройденного и впереди еще столько же испытаний. Ольга Берггольц прожила несколько жизней оборванных, несостоявшихся. И все этапы жизни поэта стоит рассмотреть предельно подробно, чтобы понять, оценить и почувствовать всю боль и радость человека, перенесшего так много страданий в те страшные, тяжелые годы для нашего Отечества.

Ольга Фёдоровна Берггольц родилась 16 мая 1910 года в Санкт-Петербурге в семье врача. Отец – Фёдор Христофорович Берггольц (1885–1948), врач-хирург (фамилия немецкая, по деду со стороны отца), мать – Мария Тимофеевна Берггольц (урожденная Грустилина) и младшая сестра – актриса Мария Берггольц (1912–2003). Семья жила на рабочей окраине Петербурга в районе Невской заставы, где прошли детские годы будущей поэтессы. Это была одна из самых бедных, густонаселенных и прокопченных окраин рабочего Петербурга.

Но, несмотря на то, в каких условиях росла девочка, родители её были людьми интеллигентными. Отец – Фёдор Христофорович, будучи выпускником Военно-медицинской академии, служил доктором, хирургом. Мать – Мария Тимофеевна, хотя и окончившая всего 4 класса благотворительной школы принцессы Ольденбургской, много читала и всячески стремилась привить своим дочерям хорошие манеры и сделать из них настоящих «тургеневских девушек». Ольге материнские мечты казались сущей нелепицей – ей хотелось создавать новую жизнь.

Новая советская жизнь её сразу подхватила и понесла как вихрь. Всё вокруг стремительно менялось. Советская школа, революционная риторика, бедный спартанский быт строителей нового мира на фоне наглого, жирного нэповского разгула. Школа классовой ненависти. Ольга – первая и лучшая, верная теории, преданная идее. Она – в числе первых стала пионеркой. Тогда же – январь 1924 года – первая поэтическая публикация. Стихотворение «Ленин». Ольга Берггольц начала писать очень рано. Ей не было четырнадцати лет.

Вряд ли нужно серьезно анализировать эти ранние литературные опыты, говорить о какой-то их специфике и особенностях. Из раннего творчества видно одно, что юная девушка свято верила в новую жизнь, в новые отношения, которые непременно построят советские граждане, частью которых она тоже являлась. Вспоминая свою юность, Ольга Берггольц говорила: «По вечерам после уроков мы ходили в ветхое деревянное зданьице клуба фабрики «Картонтоль», где «старый» комсомолец, 22-летний юноша, объяснял нам устав РЛКСМ и рассказывал о Третьем съезде комсомола... Мы слушали затаив дыхание, завидуя участникам съезда, горько досадуя, что «опоздали родиться», жажда самоотречения и подвига за дело Ленина. Мы расходились поздними прозрачными весенними вечерами и шли по заставе, полной черемухи, влаги и рокоота невидимых мандолин – еще ни радио, ни патефонов не было на Невской тогда. Мы говорили, как будем вступать в комсомол, и о том, есть ли любовь, и о том, как будем учиться и жить, став комсомольцем».

Но у совсем юной Берггольц были и другие стихи, которые сейчас, когда мы знаем весь её дальнейший путь, кажутся почти неправдоподобными – по своим предчувствиям и пророчествам. Они шли как бы впереди её жизни, заглядывая в будущее. Такова, например, «Каменная дудка» – маленькое полудетское стихотворение о страшной цене за песню: о том, как в телегах привезли «простую» глину, как её мяти и топтали, поставили в огонь, где она, не сгорая, горела три дня и как вышла из пламени «тонкой

и звонкой»... Она и сама тогда не понимала, что в этом маленьком шедевре, принятом за «стихотворение для детей», обрисовала всю свою судьбу. Через много лет после «Каменной дудки» появились стихи, где грозный сжигающий огонь эпохи, её костер и жаркий пепел, вновь возник, словно исполинский, высоко пламенеющий, страшный и прекрасный символ судьбы поэта:

О, как меня завалило жгучим пеплом эпохи!

Пеплом её трагедий, пеплом её души...

(«Ольга. Запретный дневник»)

Но огонь эпохи, который будет испытывать жизненные и творческие силы Ольги Берггольц, еще впереди, а пока хрупкая девушка, почти подросток, в кожаной куртке и красной косынке, из-под которой выбивалась золотисто-льняная прядка волос, шла навстречу новой советской жизни.

Комсомольская молодость, красные косынки, демонстрации, штурмовые ночи на «Электросиле» – культ дружбы и добровольной жертвы «энтузиастов» – тот начальный дух революции, в котором обреталась уверенность в близком и несомненном счастье для всех.

В 1926 году она стала студенткой Высших государственных курсов искусствования при Институте истории искусств, а через несколько лет была переведена на филологический факультет Ленинградского университета. Сколько ярких личностей, учителей, известных писателей, поэтов сразу появилось в окружении юной поэтессы. Сам Корней Иванович Чуковский заявил: «Она станет настоящей поэтессой». И это несмотря на то, что один из профессоров, Б. Томашевский, выставит студентку Берггольц с зачета, за то, что она не может отличить пеон-один от ямба и пеон-два от хорей. Между прочим, знаменательный эпизод: ни «мастерству» как таковому, ни чистой технике стиха Берггольц никогда не станет придавать значения. У поколения первых советских школяров всё складывается проще, яснее и прямее.

Рифма может быть бедной. Может быть приблизительной. «Шла к отцу и слез не отирала, трудно было руки приподнять. Ледяная корка застывала на лице, отеком у меня» – это Берггольц в самом расцвете таланта. Никакой отдельной «формы», никакого специального «мастерства» – только точность формулировки. Аскетичная графика. Предельная целеустремленность. Прямота, равная правде.

И только с чистейшим сердцем,
и только склонив колено,
тебе присягаю, как знамени,
целуя его края, –
Трагедия всех трагедий –
душа моего поколенья,
единственная,
прекрасная,
большая душа моя.

Вскоре у Ольги Берггольц появился преданный поклонник – поэт Борис Корнилов. В момент встречи ей шестнадцать. Ему девятнадцать. «Я впервые увидела его, кажется в феврале 1926 года... на одном из собраний литгруппы «Смена»... Коренастый парень с немного нависшими веками над темными, калмыцкого типа глазами, в распахнутом драповом пальтишке, в косоворотке, в кепочке, сдвинутой на самый затылок. Сильно по-волжски окая, просто, не завывая, как тогда было принято, он читал стихи...»

Девушка вышла за него замуж, а через девять месяцев, в 1928 году, родила дочь Ирочку. Ребенок так вдохновил Берггольц, что она стала писать стихи для детей («Зима-лето-попугай», «Пыжик», «Манька-нянька», «Мечта»).

Но, несмотря на радость материнства, их брачный союз хотя и был ярким, но недолог. Может, оттого, что не сочетаются музы. Тяжелая, скользящая стиховая походка Корнилова была малосов-

местима с прямострунной музыкой Берггольц. Но так или иначе, совместная жизнь не сложилась, и брак распался, оставив в душе Берггольц долгий, мучительный и печальный след. В душе Корнилова – тоже («Ольга – ольха», – эхом повторял он в стихах). Пути их разошлись, и больше им было не суждено встретиться. В октябре 1936 года Корнилов был исключен из Союза советских писателей. А 27 ноября 1937 года его по ложному обвинению арестовали в Ленинграде. Борис Корнилов исчез из жизни Ольги, исчез навсегда, чтобы погибнуть совсем молодым.

После 1937 года его имя перестали называть, о нём можно было только шептаться. А она, давно расставшись с ним, всё еще временами слышала его голос и спрашивала в своих стихах.

Ты живешь ли на белом свете?

Ты лежишь ли в земле сырой?

20 февраля 1938 года Корнилов был приговорен к исключительной мере наказания. В приговоре содержится следующая формулировка: «Корнилов с 1930 г. являлся активным участником антисоветской, троцкистской организации, ставившей своей задачей террористические методы борьбы против руководителей партии и правительства». Приговор приведен в исполнение 20 февраля 1938 г. в Ленинграде.

На тот момент Ольга Берггольц была второй раз замужем. После развода с первым мужем Ольга полюбила. Именно второй муж – Николай Молчанов даст ей настоящее счастье. «Любовь моя. Всегдашняя» – так называла Ольга Николая Молчанова. Никто и никогда не относился к ней так нежно и всепрощающе. Только он мог закрывать глаза на её мимолетные интрижки с коллегами, потому что знал: она вернется в лоно семьи. Муж поддерживал Ольгу и на литературном поприще. Поддержал и тогда, когда с ней случилась беда. Николай не предал жену, когда её арестовали, а его уговаривали отказаться от «врага народа», пожертвовав комсомольским билетом. Но это будет потом, а пока он вместе с женой радуется её творческим успехам – выходу

в 1930-х годах сборника рассказов «Ночь в Новом мире», сборника стихов и очерков. Они были счастливы, молоды, их объединяла совместная жизнь, поездка в Казахстан, совместная там работа. Их не пугал полуголодный быт, жизнь в коммуне.

Вселение молодой поэтессы в «дом-коммуну» был для Ольги Берггольц важным и ярким моментом. Как и многие молодые люди начала 1930-х годов, она была буквально заморожена грандиозностью планов преобразования всей страны и своего родного города.

В доме-коммуне на улице Рубинштейна, 7 существовали все условия для категорической борьбы со старым бытом. Ни в одной из его квартир не было кухонь – все жильцы сдавали свои продовольственные карточки в общую столовую, располагавшуюся здесь же. На первом этаже здания отсутствовали и индивидуальные вешалки – все жильцы снимали пальто там же, на первом этаже, рядом была обустроена и общая комната отдыха. Всё это, равно как и в высшей степени убогая архитектура дома, молодым его жильцам казалось донельзя соответствующим духу времени первых пятилеток.

В квартире Берггольц и её мужа Николая Молчанова, как и в большинстве других квартир, чай пили только из граненых стаканов – ни сервизов, ни тем более скатертей в домах не держали. Если на окнах и были занавески, то уж, конечно, без всяких там буржуазных цветочков, листочков и горошков. Всё было строго в духе коммунистического времени. Но, несмотря на спартанские бытовые условия, Берггольц и Молчанов были счастливы, а в 1932 году у пары родилась дочь Майя. Николай с Ольгой души не чаяли в малышке. Наслаждались счастливым временем, словно предчувствуя, что скоро оно закончится. Но это потом, а пока Ольга Берггольц всё свое счастье, веру в светлое будущее передавала читателям в своих стихах. Работе Берггольц, наверно, помогало и то, что она была молодой матерью – у неё росли две маленькие дочери, Ира и Майя.

В творчестве Берггольц тридцатых годов много лиризма и поэтичности, есть юмор, лукавство и бьющая через край жизнерадостность. Ольга Фёдоровна умела двумя-тремя штрихами, словно остро заточенным журналистским карандашом, очертить характер, дать портрет, речевую характеристику человека. Немаловажная грань той эпохи – энтузиазм, комсомольский задор – была в этих повестях передана и опоэтизирована.

Иначе Берггольц писала главы для задуманной Горьким «Истории фабрик и заводов». Берггольц, работавшая в многотиражке завода «Электросила», решила написать историю этого завода. Она уже успела полюбить и завод, и людей, особенно старых рабочих-большевиков, напоминавших ей ткачей из-за родной Невской заставы. Написанные главы серьезны по содержанию, несколько сухи. Берггольц всегда с благодарностью вспоминала свою работу над историей завода – она расширила её представления об истоках революционного движения, дала возможность познакомиться с интересными людьми и незаурядными биографиями. Она никогда не забывала «Электросилы» и в годы блокады, приходила на завод – выступала как агитатор и политорганизатор, читала стихи.

Лирика Берггольц начала тридцатых годов была внутренне счастливой. Она как бы перекликалась по своему мажору и ликующей игре солнечных бликов, по радостному предвкушению жизни с миром её детских книг.

А с крыши, где голуби стаей,
Где стекла синее воды,
Валилось солнце, блистая
На каждой пылинке слюды.
Да, солнце казалось помехой:
Оконный дробя переплет,
Оно вызывало из цеха
На лодки, на ладожский лед.

(«Молодежный цех», песенка из «Встречного»)

Казалось, что пророчество в самых ранних стихах Ольги не сбылось. Однако когда сейчас перечитываешь её стихи тех лет, нежные в своих акварельных красках, солнечные и песенные, невольно замечаешь, как, словно откликаясь на глухие предчувствия, перебегают по ним сумрачные тени. Почему, в самом деле, так настойчивы мотивы разлуки? Откуда эта мелодия жертвенности, готовности к подвигу, к испытаниям, к бедам? Правда, над миром уже сгущались тучи – фашизм проглатывал одну страну за другой, надвигалась Вторая мировая война. О ней неустанно предупреждал и Горький. Всё настойчивее были призывы держать лирический порох сухим. Прошли конгрессы в защиту культуры и мира в Париже и Мадриде.

И в личной жизни началась полоса несчастий. У мужа, Николая Молчанова, отслужившего срочную службу в Кушке, обнаружилось тяжелое нервное заболевание – до конца дней он страдал сильными приступами эпилепсии. Одна за другой умерли от болезней и Майя и Ирина. А через несколько месяцев Берггольц, как и многие другие в те годы, попала в волну репрессий. Сначала её исключили из Союза писателей, затем из партии и, наконец, даже из профсоюза. Для неё исключение из партии было, как написала она в одной из автобиографий, «более чем ударом». А обвинялась она в том, что являлась активной участницей контрреволюционной террористической организации. В середине 1938 года Центральный Комитет, рассмотрев дело, признал все обвинения клеветническими. И Берггольц, пережив муки отверженности, была восстановлена в партийных рядах, но жизнь уже была покалечена, душа надломлена. Вот как сама Ольга Фёдоровна вспоминает тот период: «В 1937 году меня исключили из партии, через несколько месяцев арестовали. В 1938-м году я была освобождена, полностью реабилитирована и вернулась в пустой наш дом (обе доченьки мои умерли еще до этой катастрофы)». По ужасной прихоти случая болезнь унесла Ирину, когда ей было восемь лет, Майю, когда и года не исполнилось.

Долго среди мучительных воспоминаний помнился ей:
...птичий милый отпечаток –
дочери погибшей башмачки.

Но на свободе Ольга Фёдоровна пробыла недолго, ей не дали восстановиться душевными силами после таких ужасных потерь. В конце 1938 года Берггольц по доносу вновь была арестована как «враг народа». Она попала в тюрьму беременной, достаточно на большом сроке. Допросы и тяготы заключения сказались трагически – ребенку не суждено было родиться.

Всю боль от потери ребенка Ольга Берггольц выплеснула в своих стихах.

...Двух детей схоронила
Я на воле сама,
Третью дочь погубила
До рожденья – тюрьма...

(Апрель 1939. Арсеналка. Больница)

Ощущение тюрьмы еще очень долго жило в памяти Ольги Берггольц, её мучительно преследовал тяжелый запах коридора из тюрьмы, запах рыбы, сырости, лука, стук шагов по лестнице и то смешанное состояние посторонней заинтересованности, страха, обреченности, безвыходности.

«Вынули душу, копались в ней вонючими пальцами, плевали в неё, гадили, потом сунули её обратно и говорят: “Живи”» – эти строки она записала в свой дневник. Именно дневники занимали особое место в жизни Ольги Берггольц. Это ученические и общие тетради, блокноты, в которых велись записи за разные месяцы и годы (1923–1971 гг.). Благодаря дневникам Ольги Фёдоровны мы можем многое узнать из биографии поэтессы, ведь архивы, как зеркало, отражают жизнь и судьбу их владельцев.

Многие факты из жизни Ольги Фёдоровны долгое время были скрыты от общественности, она была «неудобным» поэтом для властей, слишком прямо, громко, без фальши и лести заявляла о

многих общественных событиях в стране. Ольга Берггольц вела их предельно откровенно, с девизом «Абсолютная честность и правда».

Судьба этих тетрадей не менее драматична, чем судьба автора. В 1938 году после ареста О. Ф. Берггольц дневники были конфискованы НКВД, после освобождения из тюрьмы возвращены с пометками следователя, сделанными красным карандашом. Впоследствии, опасаясь ареста и изъятия записей, Берггольц тщательно скрывала отдельные тетради, закапывала их (зимой 1941 г.), хранила в потайном ящике письменного стола. На двух тетрадях 1949 г. остались следы от гвоздя – отметка о поездке Ольги Фёдоровны и писателя Георгия Макогоненко (он стал её мужем после смерти Н. Молчанова) на дачу. Видя следующий за ними черный автомобиль и боясь преследования, они попытались избавиться от опасных документов, прибив их к внутренней стороне садовой скамейки огромным ржавым гвоздем.

После смерти О. Ф. Берггольц 39 тетрадей дневников поступили в комиссию по её литературному наследию при СП СССР. Из-за судебного разбирательства между Марией Фёдоровной Берггольц (младшей сестрой Ольги Фёдоровны) и СП СССР эти тетради были переданы на временное закрытое хранение в Ленинградский государственный архив литературы и искусства (ныне – ЦГАЛИ СПб), но в 1976 г. по распоряжению Главного архивного управления при Совете министров СССР присоединены к личному фонду поэтессы в ЦГАЛИ СССР. Весь архив О. Ф. Берггольц был выкуплен Главархивом СССР у наследницы и принят на государственное хранение, но авторское право по закону сохранилось за Марией Фёдоровной. После её смерти оно перешло к её сыну М. Ю. Либединскому. По воле наследников доступ к архиву Берггольц был ограничен, а дневники и переписка закрыты. Только в 2004 году вступившая в права наследства вдова М. Ю. Либединского – Галина Анатольевна позволила РГАЛИ исследовать и опубликовать дневники поэтессы.

Полностью текст дневников до сих пор не издавался. Небольшие его фрагменты использовались самой О. Ф. Берггольц в автобиографической повести «Дневные звезды», отдельные записи 1939–1941 гг. и 1949 г. с купюрами печатались в 1990–1991 гг. в журналах «Звезда», «Нева» и «Знамя», а затем были собраны вместе и включены в сборник «Ольга. Запретный дневник» (СПб., 2010).

Ни одного дня Ольга Берггольц не жалела, что все эти годы записывала свои мысли о жизни своей Родины, о тяжелых судьбах своих соотечественников. И всё это несмотря на то, что была запущена на полную мощность гигантская репрессивная машина, миллионы людей проклинали себя за то, что писали письма друзьям и вели дневники. Миллионы осужденных навсегда зареклись доверять свои мысли и чувства дневниковым страницам. Эти люди поклялись, если выживут, навсегда отбить у детей и внуков охоту поверять тетрадным листам свои размышления и сомнения. И только немногие – наоборот. В числе этих немногих – Ольга Берггольц. Её деятельная душа жаждала большого дела и сильных ощущений, самоотверженного служения великой идее и преодоления обыденного.

Этот день начала главной и единственно оправданной жизни настал в июне 1941 года, когда в дневнике Ольги Берггольц появилась краткая запись: ВОЙНА!

Так, почти в библейском облике, появляется в это время в стихах Берггольц образ Родины – отпавшей от Бога страдальцы, которую надо простить и спасти самопожертвованием.

Мы предчувствовали полыханье
этого трагического дня.

Он пришел. Вот жизнь моя, дыханье.

Родина! Возьми их у меня!

<...>

Я люблю Тебя любовью новой,
горькой, всепрощающей, живой,

Родина моя в венце терновом,
с темной радугой над головой.

Стихотворение написано в июне 1941 года. Как и у многих поэтов тех дней, оно звучит подобно клятве, да по существу и было именно клятвой. Берггольц выразила чувства, общие для советской поэзии тех лет. Одновременно с Берггольц написала свою знаменитую «Клятву» Анна Ахматова. Тогда же появилась песня-клятва «Вставай, страна огромная...», созданная В. И. Лебедевым-Кумачом и композитором А. Александровым. Но в первые дни войны еще трудно, невозможно было предугадать весь трагический размах всенародной беды. Ленинград, однако, очень скоро почувствовал приближение врага. Уже в июле армии и народному ополчению пришлось отражать наступление вражеских войск на ближних подступах к городу. Ленинградские писатели организовали писательский взвод, влившийся в народное ополчение, а затем в ряды действующей армии. Н. Тихонов возглавил группу писателей, занятых повседневной журналистской, газетно-корреспондентской работой; Вс. Вишневский организовал подобную же группу на кораблях Балтфлота. Писательской организацией руководила В. Кетлинская. Берггольц стала работать в Радиокомитете. Работа её на Ленинградском радио имела для вступившего в бой города огромное значение. Уже с августа в эфире стал звучать голос Берггольц – она читала корреспонденции, очерки, стихи. Впоследствии эти выступления составили книгу «Говорит Ленинград». Чем тяжелее становилось положение города, затянутого петлей блокады, тем важнее делался для горожан именно голос Берггольц, всегда звучавший доверительно и с надеждой на победу, на жизнь. Особенно большую значимость приобрел голос Ольги Фёдоровны, когда с каждой неделей страдания города, лишённого хлеба, воды и света, перешли все мыслимые пределы.

Прекращено движение по улицам. К свисту бомб добавляется грохот орудий. «Фронт – за пустырем, за тем забором».

У подъездов домов – бутылки с бензином – на случай прорыва немецких танков.

Всем, что есть у тебя живого,
чем страшна и прекрасна жизнь –
кровью, пламенем, сталью, словом, –
задержи врага. Задержи!

В начале сентября город был взят фашистами в кольцо – эта страница истории называется «900 дней блокады». Ольга Берггольц писала её вместе с теми, кто был обречен на медленное умирание от мрака, стужи, истощения, животного страха, одиночества и от голода. Немцы отменяют штурм города и начинают осаду. Гитлер объявляет: «Мы не штурмуем сознательно. Ленинград выжрет сам себя». То есть: голодные люди озвереют и вцепятся друг другу в глотки.

Вот так, исполнены любви,
из-за кольца, из тьмы разлуки
друзья твердили нам: «Живи!»,
друзья протягивали руки.

Единственной связью с миром становится радио. Точки связи – фонарные столбы, которые высятся среди сугробов: к ним по утрам стаскивают трупы для опознания, под ними затихают дистрофики, держась из последних сил и сползая. На столбах – черные раструбы радиоприемников. По радио – никакой музыки; музыка долетает только из немецких блиндажей: фанфары да фокстроты со щебетом влюбленных. А в ленинградском эфире – только военные сводки и литературные передачи. Глава за главой – «Илиада» Гомера. «Педагогическая поэма» Макаренко. И стихи... Ольги Берггольц.

Безоружная Ольга Фёдоровна нашла свое оружие для участия в бою за жизнь. Это оружие – Любовь и сила Слова. Это оружие для самообороны, для самозащиты тех, кто остался наедине с общей трагедией. Это вливающийся прямо в душу эликсир «живой воды» понимания, ободрения, утешения. Это страдающий

человеческий голос, обнимающий теплой дружеской поддержкой каждого обессилившего и уставшего бороться с бессилием. Из множества звуковых волн и радиоголосов этот – единственный, заставляющий встать и не сдаться смерти хотя бы еще день.

Голос из радиорубки воскресал уже почти мертвых ленинградцев, а однажды спас и саму поэтессу. Однажды Ольгу Берггольц позвала к себе домой одна знакомая (Кетлинская), чтобы поделиться скудным ужином. Берггольц согласилась, хотя идти надо было полтора квартала. В темноте, на ощупь. Возле Филармонии обо что-то споткнулась, упала на полузанесенного снегом мертвеца. От слабости и ужаса не смогла подняться, стала застывать... и вдруг услышала прямо над собой голос. Свой голос. Из репродуктора. Голос несдающегося духа над готовым сдаться телом!

Сестра моя, товарищ, друг и брат, –
ведь это мы, крещенные блокадой.
Нас вместе называют – Ленинград,
и шар земной гордится Ленинградом.

Поднялась и дошла до цели. И таких, спасшихся, было достаточно много, чтобы обрести новое имя – блокадная Мадонна. Немцы знали о существовании Берггольц, и она мешала им настолько серьезно, что немцы вносят её в черный список: при взятии города Берггольц расстрелять одну из первых.

На тот момент, когда началась война, Ольге Берггольц всего-навсего 31 год, а уже сколько пришлось испытать. В первую блокадную зиму Берггольц потеряла преданно любимого ею Николая Молчанова. Он умер от голодного истощения 29 января 1942 года.

Первое время она словно окаменела. Ольга Берггольц, как и другие обитатели блокадного ада, была так же беспомощна и беззащитна перед беспощадными безликими чудовищами, захватившими город. Имена этим церберам – Голод, Холод, Артобстрел,

Бомбежка. Она, женщина-воительница, в нарастающем отчаянии и ярости ощущала свое личное человеческое бессилие перед нечеловечески масштабным могуществом вездесущих монстров. Уже пережив самое тяжелое время, она записала в дневнике: «О, если б можно было ценой своего горя купить покой и отраду другим». Но что чудовищам одна человеческая жизнь? Им нужны миллионы жизней. Личной отвагой не одолеть блокадных бедствий.

Но голос Ольги Берггольц продолжал звучать, входя в замерзшие, мертвые дома, тем самым спасая людей от смерти, поднимая их к жизни.

«Я думаю, что никогда больше, – писала Берггольц о том времени, – не будут люди слушать стихи так, как слушали стихи ленинградских поэтов в ту зиму голодные, опухшие, еле живые ленинградцы. Мы знаем это потому, что они находили в себе силы даже писать об этом в радиокомитет, даже приходить сюда за тем или иным запомнившимся им стихотворением; это были самые разные люди – студенты, домохозяйки, военные. Бессмертным свидетельством величия духа ленинградцев останется эта деталь первой блокадной зимы – способность в таком кошмаре, среди таких физических и нравственных терзаний отзываться на поэзию, на искусство». По сути дела, Берггольц, ежедневно выходя к микрофону и сама еле преодолевающая голодную слабость, необыкновенной силой своего голоса и слова прорывала «внутреннюю блокаду». В этом и состоял, прежде всего, её гражданский, поэтический и воинский подвиг.

Ленинград отвечал на такое слово поэта великой благодарностью. Берггольц знали буквально все, и все её выступления. Почти регулярных, постоянных выступлений ждали, их слушали, то есть как бы тем самым старались не лишиться себя куска столь необыкновенного, дарующего жизнь, – куска духовного хлеба. Иногда говорили впоследствии, вспоминая то время и необыкновенную, редкостную роль поэтического слова, о «феномене Берггольц». Сама же она склонна была говорить о «феномене Ленинграда».

«Лишь благородный народ, – писала она в статье «Ленинградский опыт», – может воевать со стихами на устах, запекшихся от зноя войны». Город творил о своем поэте чисто поэтическую легенду, своеобразный, но правдивый миф, почти молитвенный по своему патетическому и благодарственному смыслу.

Как уже говорилось, характерной особенностью поэтического мышления Берггольц было острое и всегда глубоко личностное переживание жизни как исторического потока. Блокаду Ленинграда она осмысляла как победоносную трагедию, как выразительную и неповторимую страницу в долгой книге истории Отечества. Именно чувство истории прежде всего и придало её лирике, такой, казалось бы, негромкой и непритязательной, отчерченной, на первый взгляд, смертным кругом блокадного быта, его тягостными и немудрящими деталями. В её стихах, поэмах («Февральский дневник», «Ленинградская поэма», «Памяти защитников», «Твой путь») не было фальши, она просто, «без утайки» рассказывала о том, что видела и переживала. И ей помогал в этом сам город, его жизнь, сами ленинградцы. Поэтому, когда остро возник вопрос о срочном переезде поэтессы в Москву, Ольга Берггольц долго не решалась и даже сопротивлялась, до последнего не отпускала её ответственность за ленинградцев, она должна быть рядом во что бы то ни стало.

В начале марта 1942 года с помощью сестры Муси, Марии Фёдоровны Берггольц, оказалась в Москве. Измученная, опухшая до такой степени, что подозревала долгожданную беременность. Эта страстная, на грани безумия, надежда питалась отчаянием – только что умер любимый муж Николай, которого она не смогла спасти. От их отношений осталась только память.

Любой другой, вырвавшийся из ада, из ужаса первой блокадной зимы, намучившись и настрадавшись, избегал бы возвращения туда, где «уже страданиям нашим не найти ни меры, ни названья, ни сравнения». Но Ольга Берггольц была другой. На восьмой день пребывания в столице она писала:

«...Тоскую отчаянно... Свет, тепло, ванна, харчи – всё это отлично, но как объяснить им, что это вовсе не жизнь, это сумма удобств. Существовать, конечно, можно, но жить – нельзя. Здесь только быт, бытие – там...»

И при первой же возможности Ольга Берггольц возвратилась туда, к тем, кому нужна была и она, и её кровоточащая любовь, и её поэтическое слово. В довершение ко всему еще одна беда: выслан отец, немец по рождению. 3 апреля 1942 года она записала в дневнике: «Боже мой! За что же мы бьемся? За что погиб Коля, за что я хожу с пылающей раной в сердце? За систему, при которой чудесного человека, отличного военного врача, настоящего русского патриота вот так ни за что оскорбили, скомкали, обрекли на гибель...».

Но впереди были еще сотни дней выживания, сотни и тысячи утрат. Были бездонные дни отчаяния, долгие недели и месяцы перенапряжения всех сил. Всё казалось бессмысленным и бесполезным, – но об этих мгновениях знал только дневник Ольги Берггольц. 1 марта 1942 года она записала в дневнике: «Трубя о нашем мужестве, они скрывают от народа правду о нас. Мы изолированы, мы выступаем в роли «героев» фильма “Светлый путь”». И 20 марта: «Здесь не говорят правды о Ленинграде, о голоде (в Москве) “заговор молчания”».

В стихах Ольга Берггольц периода войны мы слышим не только слова утешения и сострадания, не только едва сдерживаемые слезы, но и жесткую, горькую правду. Она не боялась её говорить, считая, что именно правда является душою и внутренней силой поэтического искусства.

Она прожила не только 900 блокадных дней вместе с осажденным городом, но и еще 12 раз по 900 дней. Для неё блокада не закончилась 27 января 1944 года. Она продолжалась еще более 30 лет – в душе и памяти. Ей казалось, что она не всё сказала, не всё договорила, не в полную меру воздала должное людям, городу, стране. До последней минуты своей жизни она обращалась

мысленно к тем, с кем пережила самое трудное время – время немислимой жестокости бытия. Невообразимого доселе в истории испытания на человечность.

В послевоенные годы она продолжала писать стихи, создавала пьесы и сценарии, пробовала свои силы в прозе. Но эти попытки мало что могли прибавить к славе «блокадной музы». И сама она, кажется, ощущала свое непрекращающееся пребывание в том времени, когда она вынимала из груди «куски сердца» и отдавала их – мощью нерастраченной материнской любви – узникам трагедии 900 дней.

В поэзии своей эпохи она совершила, кажется, невозможное: впала в «неслыханную простоту». Она не стремилась к выработке индивидуального стиля, не искала «лица необщее выражение». Она искала как раз «общее выражение» и с помощью скудных изобразительных средств, максимально приближенных к простой разговорной речи и даже к такому «сокровенному» языку, на котором каждый ведет мысленный разговор с самим собой, смогла выразить невыразимое. Она смогла вернуть подлинное, первородное звучание таким словам, как «Родина», «верность», «мужество», «ненависть к врагу». И ленинградцы-блокадники, от мала до велика, слушая строки «Февральского дневника» или «Ленинградской поэмы», ощущали животворную силу этих слов, очищенных от пропагандистской ржавчины.

Но такая правда не всем была по нраву. Уже после войны некие бодро-догматичные «руководители», а за ними и их «истолкователи» стали упрекать Берггольц в «пессимизме», называя её «плакальщицей», нападая на её слова о необходимости искренности и «самовыражения», она не отступала от своих принципов.

На Втором съезде советских писателей (1954) и в статье «В защиту лирики», опираясь на блокадный опыт, она утверждала необходимость слияния души художника с жизнью народа до той высокой и последней степени, когда уже исчезает граница между «я» и «мы». Эту границу она смело переступила, так как была

действительно «плотью народа», его устами, его израненным голосом.

К сожалению, в поэзию, как, впрочем, и в прозу, драматургию того времени, проникла помпезность, от литературы требовали того поверхностного оптимизма и «медных труб», которые, конечно, ничего общего не имели с воззрениями Берггольц, утверждавшей жизнь через правду. Образовался целый поход на писательскую искренность, которая повсюду выискивалась как некая крамола. Лирике, с её исповедальностью, грозило неизбежное омертвление, но Ольга Фёдоровна встает на защиту откровенной поэзии.

Она была сильным человеком, не склонившим головы решительно ни перед какой опасностью, не отступавшей и не отступившей от своих убеждений. Громада блокадного Ленинграда, а за нею Невская застава как бы постоянно стояли за её спиной, охраняли, вливали отвагу.

Я знаю, сердце стало у меня
Упорней и отзывчивей кремня.
Любой удар оно упрямо встретит,
Прозрачной искрой на него ответит.

После блокады и войны Берггольц очень хорошо знала истинную цену слова, которое может стать хлебом только тогда, когда оно правда.

Постоянно наталкиваясь на сопротивление такой правде со стороны всевозможных чиновников от литературы, она приходила к выводу, что дело, по-видимому, не в глупости и ограниченности отдельных лиц, а в укрепившейся политике недоверия к писателю, принявшей едва ли не узаконенный размах.

Именно идею доверия она поставила в центре своей трагедии «Верность», посвященной борьбе Севастополя в годы Великой Отечественной войны. Большинство вещей, созданных Берггольц в первые послевоенные годы, как и в последующие, были более одухотворенные и суровые, возвращавшие поэта на пройденные

дороги мужества. На дороги, по которым шла она вместе со своим народом. И она была права, сказав, что «все эти её возвращения «вспять» были на самом деле, конечно же, больше чем воспоминание». Как ни странно сейчас говорить, но именно в те годы громко раздавались упреки в адрес писателей, возвращавшихся к военной теме: нужно, дескать, писать о современности. Берггольц, как и близкие ей по духу писатели, прекрасно понимали всю несостоятельность, ничтожество и глупость таких упреков и указаний.

Однако призывы писать правду всё чаще наталкивались на сопротивление. Например, в конце 40-х годов её пьесу «Они жили в Ленинграде» ставил московский камерный театр. В Комитете по делам искусств, рассказывала Ольга Фёдоровна, созвали совещание с вызовом автора и работников театра – А. Таирова, А. Коонен. Среди собравшихся была хорошенькая девица лет двадцати, приглашенная как представитель молодежи, которая критикуя пьесу почему зря, то и дело восклицала: «Наш народ так не думает!», «Наш народ не хочет...». Берггольц прервала её, вскочив со стула: «Сколько вам лет?» – «Ну, какое это может иметь значение?» – засмущалась девица. «А я хочу знать, – продолжала Ольга Фёдоровна, – в каком вы были партизанском отряде, в какой боевой части, в каком десанте, в каком осажденном городе, что позволяете себе говорить от имени народа». Ольга Берггольц ушла с этого совещания, не пожалев об этом ни одной секунды и не побоявшись реакции начальства.

В январе и в июне 1946 года реакция последовала: было объявлено о присуждении Сталинских премий большой группе деятелей искусства и литературы. Из ленинградцев лауреатами (за войну!) стали Вера Инбер, в частности за поэму «Пулковский меридиан», Александр Прокофьев за стихи. Еще раньше, в 1942-м, отметили этой премией Николая Тихонова за поэму «Киров с нами». Ольгу Берггольц, автора четырех поэм и многих широко известных стихов, повторявшихся в блокаду, как заклинания,

просто «забыли». Позднее, комментируя отрывки из публикуемых в периодике дневников сестры, М. Ф. Берггольц так определила позицию официальную: «Закончилась война, закончилась Берггольц».

В этом же 1946 году были отлучены от советской литературы А. Ахматова и М. Зощенко. Разгромную речь А. Жданова Берггольц восприняла с огромной болью, с чувством крушения своих надежд. Она была в числе тех немногих, кто отказался присоединиться к «разоблачителям» Ахматовой – своего старшего товарища и друга. Расплата последовала незамедлительно. В газете «Ленинградская правда» появилась статья, где опорочивались её блокадные стихи за пессимизм. А поэма «Твой путь» – за пошлость. К имени Берггольц прикрепляли ярлык «плакальщица», её клеймили те же люди, что исключили её из партии в 1937 году. Она была выведена из правления ленинградского отделения Союза писателей, из редсовета издательства «Советский писатель», а подготовленную к печати книгу «Избранное» убрали из издательского плана. Кроме этого, если раньше главная ленинградская газета охотно печатала её стихи, то теперь отказалась наотрез.

Её обвиняли не только за то, что она открыто поддержала опальных поэтов, но и в том, что в её послевоенном творчестве якобы появились нотки упадничества. «Берггольц так и не смогла перестроиться на лад мирной жизни и продолжала воспевать в ленинградской теме главным образом тему страдания и ужасов перенесенной блокады» (Центральный гос. архив историко-политических документов). В одной из автобиографий Берггольц писала, что в её душе вновь «открылись раны 37–39 гг.».

Несмотря на все эти нападки со стороны власти, Ольга Фёдоровна ни на минуту не сомневалась в правильности своего выбора. Сколько раз её предавали, но она до последнего оставалась в дружбе с Анной Ахматовой. В подтверждение этого можно привести один случай из жизни двух поэтесс.

В тот послевоенный год еще не были отменены карточки, и Ахматова, исключенная из Союза писателей, была их лишена. Берггольц, получив свой паек, носила в шереметьевский дом в судках суп и второе. Они читали друг другу стихи, говорили, понизив голоса, не зажигая свечи, в сумерках, спускавшихся на Фонтанку. «Я убеждена, что у революции нет такого наказания, как голодная смерть для поэта», – отвечала Берггольц, когда её вызывали на заседание, где упрекали в том, что она помогает Ахматовой.

По словам Ольги Фёдоровны, Ахматова много говорила с ней о своей главной боли – ссылке сына, Льва Николаевича Гумилева. Однажды та попросила: «Оля, напиши для меня стихи о Сталине. Ну что тебе стоит... Я не могу, а если их с моей подписью напечатать, может, Леву бы отпустили...» Наступила долгая пауза. «Да ведь и я не могу», – ответила Берггольц.

Именно в этот период наступает момент, напомнивший конец тридцатых годов, когда она вновь почувствовала на своих устах тяжелую печать вынужденного молчания.

И вопреки всему – усталая, потерявшая многих близких, уже во многом сомневающаяся женщина пишет триптих 1949 года, который накладывается на записи в дневнике. В разгаре «ленинградское дело». Уже арестовали многих партийных работников, уже никто не может быть уверенным, что он не «связан» с таким-то и не работал с другим. Берггольц знает от друзей из Публичной библиотеки, что ищут компромат в её книге «Говорит Ленинград». И ведь нашли – это издание отправили на многие годы в спецхран. Как тут не задуматься о своей возможной судьбе. «Не будет ничего удивительного, если именно меня как поэта, наиболее популярного поэта периода блокады, – попытаются сделать «идеологом» ленинградского противопоставления (речь идет о якобы существовавшей в городе оппозиции центру страны) со всеми вытекающими выводами вплоть до тюрьмы».

Ольге Берггольц теперь постоянно кажется, что за ней опять стали следить машины НКВД, подозрительные люди, ощущение,

что идут следом за тобой и вот сейчас прозвучит приговор. Она всё время оглядывается. В первом стихотворении «Триптиха» это выражено так:

Я не люблю за мной идущих следом
по площадям
и улицам.
Мой путь –
мне кажется тогда –
стремится к бедам:
скорей дойти до дома
как-нибудь.
Они в затылок дышат горячо...
Сейчас положат руку
на плечо!

Почему «идущие следом» за ней в 1949-м не пришли, можно лишь догадываться. Во-первых, Берггольц практически сошла с литературной арены, её противники, «конкуренты» утопили свои амбиции. Во-вторых, у неё остались влиятельные друзья. Тот же Фадеев, который, по её словам, вызволил её в 1939-м. Теперь – генеральный секретарь СП СССР вновь использовал свой ресурс, помог вернуть из сибирской ссылки в европейскую часть страны отца сестер Берггольц, высланного из блокадного Ленинграда в 1942 году. Об этом написала Мария Фёдоровна Берггольц в своих комментариях к дневникам сестры. Поддерживал Ольгу Берггольц её собрат по блокаде, влиятельный Вс. Вишневский.

Но утешение, безусловно, Ольга искала в творчестве. Тогда Берггольц задумывает поэму, которая показалась ей спасением. Она так и обратилась к ней, к поэме:

– Спаси меня! – снова к тебе обращаюсь.
Не так, как тогда, – тяжелей и страшней...

(«Обращение к поэме»)

Снова, как и раньше, но действительно страшной, пришла тревога о возможной, но теперь уже окончательной потере певческого голоса. Больше не было того разреженно-кристального, рождающегося на «чистых вершинах» воздуха, которым только и привыкло дышать её Слово:

Я никогда не напишу такого
В той потрясенной, вещей немоте
ко мне тогда само являлось слово
в нагой и неподкупной чистоте.

(«Я никогда не напишу такого...»)

И – снова обращение-молитва к Песне, отчаянное, на пределе последней надежды, похожее на рыдание и стон:

Очнись, как хочешь, но очнись во мне –
в холодной, онемевшей глубине...

(«К песне»)

Муза откликалась, но стихами горькими и мучительными, действительно похожими на стон или рыдание. Они свидетельствовали о тяжелейшей душевной муке.

На собрание целый день сидела –
то голосовала, то лгала...

Как я от тоски не поседела?

Как я от стыда не померла?..

Иногда ей казалось, что молчание среди лжи – это единственный выход. Всё чаще возникает в её стихах тема грозной молчаливой воли. Но молчание Берггольц было более внешним, чем буквальным. Она складывала свои стихи в стол, прятала их в архив, скрывала от тех, кому не доверяла, запоминала наизусть, то есть всё время говорила сама с собой, работала наедине с самой собой.

Но, может быть, главным спасением стал адский труд над поэмой «Первороссийск». Он занял восемь долгих лет (1949–1957). Берггольц обратилась к прошлому, к легенде, она душой была

с теми рабочими Невской заставы, которые в годы революции погибали за тысячи километров от родного дома, пытаясь построить новую, утопическую жизнь в коммуне.

«Первороссийск» – скорее не поэма, но повесть в стихах, её журнальный вариант появился в 1950-м, а уже в 1951 году поэтесса получила за неё Сталинскую премию. Премия несколько обезопасила Берггольц, но «глухонемое время» продолжалось. Лишь последним стихотворением из цикла «Пять обращений к трагедии», начатым в августе 1946-го, а завершённым в январе 1954-го, Берггольц распрощалась с эпохой.

О, не твои ли трубы рыдали
четыре ночи, четыре дня
с пятого марта в Колонном зале
над прахом, при жизни
кромсавшим меня...

Последняя строка изменена по предложению рецензента. Раньше было: «над прахом эпохи, кромсавшей меня». Рецензент обиделся за «эпоху», но в любом случае, после марта 1953 года «каменный дом» уже не угрожал большому поэту и гражданину Ольге Берггольц.

Начиная с шестидесятых годов, Ольга Фёдоровна задумала написать Главную книгу в своей жизни. Она к этому тщательно готовилась, например, с душевным трепетом перечитала «Былое и думы» А. Герцена, всё чаще думала о Маяковском. Новая и, скорее всего, последняя книга должна быть написана о времени и об эпохе и, конечно же, во весь голос.

В книге «Дневные звезды» Берггольц, рассказывая читателю, как она пришла к своему замыслу, пишет: «Главная книга писателя – во всяком случае, моя Главная книга – рисуется мне книгой, которая насыщена предельной правдой нашего общего бытия, прошедшего через мое сердце... Писатель может не знать заранее, в какой форме она воплотится – в поэме ли, в стихах ли,

в романе, в воспоминаниях ли, но твердо знает, чем она будет по главной сути своей: знает, что стержнем её будет он сам, его жизнь, и в первую очередь жизнь его души, путь его совести, становление его созидания, – и всё это неотделимое от жизни народа...»

«Дневные звезды» – одно из тех редких произведений, где исповедальность, проникнутая интимным и чистым лиризмом, одухотворенная высокой поэзией, соединена с проповедью, то есть с утверждением идей, которым Берггольц была верна всю жизнь. Главное в этом произведении – это мысль о слиянии судьбы художника с судьбой народа.

В голове Ольги Фёдоровны было много замыслов, картин, идей, и все они теснятся, выталкивают друг друга, некоторые ломаются и тают. «Я столько еще стихов должна написать...» – были её слова незадолго до смерти.

Берггольц продолжала работать до последнего дня своей жизни. В 1952 году вышел цикл стихотворений о Сталинграде, в 1960-м – «Дневные звезды», а в 1965 году новой вершиной в творчестве Ольги Фёдоровны явилась итоговая книга стихов «Узел», которая писалась на протяжении почти тридцатилетия (с конца 30-х годов). В книгу входят четыре цикла – «Испытание», «Память», «Из ленинградских дневников», «Годы».

Это итог глубоких размышлений большого художника о пережитом. Общая поэтическая мысль её – в стремлении осмыслить индивидуальную судьбу человека в связи с судьбой своего времени. Это лирический дневник, в котором поэтесса с документальной точностью и лирической свободой поведала о трагических разрывах времени человеческой истории, о борениях личности.

Память «диктовала» Берггольц написать о трагедии поколений, потому что, по мысли поэтессы, «трагедия нашего поколения есть трагедия всего человечества»; память помогла воссоздать «огромный нравственный опыт эпохи». «Узел» – не пессимистический сборник. Неразрывность, слитность чувств поэтессы с думами и переживаниями современников определяют

внутренний оптимизм трагической итоговой книги стихов Ольги Берггольц, историзм её мышления.

В 60–70-е гг. Берггольц твердо отстаивала мысль: исторический опыт военных и противоречия мирных лет могут и должны стать одним из источников внутренней зрелости, мудрости людей.

Поэзия Ольги Фёдоровны продолжала лучшие традиции русской классической лирики с её открытой гражданственностью и обнаженной исповедальностью. И именно эта исповедальность стала опять доступна для читателей Берггольц, наступает «оттепель», стихи и прозу Ольги Фёдоровны вновь начали печатать. Казалось, всё налаживается, но это была иллюзия. Вскоре «оттепель» закончилась, и опять пришли цензоры, а Берггольц попала под прицел властей.

Началась депрессия, без творчества Берггольц не могла жить, она не могла молчать, и чтобы забыться, она стала выпивать. Только в затуманенном состоянии её мозг и душа могли отдохнуть, но такое состояние стало постоянным, и Ольга Фёдоровна сама не заметила, как стала зависимой от алкоголя.

Вот как об этом факте вспоминает И. Д. Гликман – искусствовед, профессор Петербургской консерватории: «Отношения Макогоненко с Ольгой Фёдоровной осложнялись тем, что она пристрастилась к выпивке. Это было одним из трагических последствий её арестантской жизни и тюремных невзгод, гибели первого мужа – талантливого поэта Бориса Корнилова.

Алкоголизм всё больше внедрялся в неё и разрушал эту талантливую, красивую, умную, блистательную женщину. Юра Макогоненко об этом не догадывался, ухаживая за Ольгой Фёдоровной в ту пору, когда они оба работали в Ленинградском радиокомитете во время блокады, и женился на ней. Шли годы, и болезнь прогрессировала. Макогоненко заботился об Ольге Фёдоровне, старался всевозможными силами исцелить её от вредной привычки, но не имел успеха.

Через некоторое время, с тяжелым сердцем, Макогоненко решил расстаться с Ольгой Фёдоровной. Он женился на выпускнице

филологического факультета университета, очень красивой, молодой, жизнерадостной Людмиле Семёновне и окунулся в спокойную семейную жизнь. А потом жизнь преподнесла ему и еще подарок – родилась дочь Даша, которую он очень любил».

«Моя жизнь закончилась», – эта мысль, словно набат, была в голове Ольги после развода с мужем Георгием Макогоненко. Депрессия была настолько тяжелой, что Ольга Фёдоровна попадает в психиатрическую больницу, где её на какое-то время вывели из этого тяжелого состояния.

Рожденная для дружбы, живого общения с единомышленниками, в последние годы жизни и после больницы Ольга Берггольц всё сужала круг людей, с которыми общалась. Она так до конца и не избавилась от пристрастия к вину, зная, что это её рано или поздно погубит, так как после блокады у неё осталась только одна почка. Она медленно себя уничтожала. Всё чаще поэтессу забирала скорая, врачи то и дело повторяли, что однажды они не успеют её спасти.

Рабочее настроение всё больше утрачивалось, болезнь совершенно не давала ей работать.

– Плохо работать не умею. Как нужно – не могу, – говорила она.

Всё случилось 13 ноября 1975 года – умерла легендарная поэтесса Ленинграда Ольга Фёдоровна Берггольц.

Даниил Гранин вот как вспоминал об этом дне (сборник «Ольга. Запретный дневник»): «Вот и похоронили Ольгу, Ольгу Фёдоровну Берггольц. Умерла она в четверг вечером. Некролог напечатали в день похорон. В субботу не успели! В воскресенье не дают ничего траурного, чтобы не портить счастливого настроения горожан. В понедельник газета «Ленинградская правда» выходная. Во вторник не дали: что, мол, особенного, куда спешить. Народ ничего не знал, на похороны многие не пришли именно потому, что не знали...»

Несмотря на прижизненную просьбу писательницы похоронить её на Пискаревском кладбище, тогдашний глава города

Романов отказал, и писательница была похоронена на Литераторских мостках Волковского кладбища.

Долгое время найти её могилу было непросто. В первые годы после смерти Ольги Фёдоровны памятник на её могиле так и не появился. Сама Берггольц в одном из своих стихотворений писала:

И когда меня зароят
возле милых сердцу мест, –
крест поставьте надо мною,
деревянный русский крест!

Но креста не было: ни деревянного, ни каменного. Всё, что там было, – это несколько досок штакетника, сколоченных в форме мольберта, на котором укрепили рамку с застекленным портретом поэтессы.

Установить надгробие на могиле Ольги Берггольц пытались дважды – сначала советские власти сразу после похорон, затем российские, но оба раза неудачно. В первый раз всё закончилось на стадии конкурса – сестре поэтессы Марии Фёдоровне не понравился ни один из предложенных вариантов. Позднее, 3 октября 1994 года президент России Борис Ельцин издал указ «Об увековечении памяти О. Ф. Берггольц». Согласно этому документу памятник поэтессе должны были поставить на её могиле в первом полугодии 1995 года. Дело дошло до изготовления памятника скульптором Трояновским, но сестра Ольги Берггольц вновь не захотела ничего менять на могиле. Там так и остался убогий мольберт да кустики клубники, посаженные Марией Фёдоровной. А отвергнутый памятник поставили на Манежной площади у Дома Радио.

Памятник на могиле поэтессы появился только в 2005 году.

Но самый главный, незыблемый памятник Ольге Фёдоровне Берггольц – это память, наша с вами память.

Вся сила и мощь Берггольц собраны в трехтомник её собрания сочинений, в них вся жизнь автора. Сделано Берггольц много.

Всё сделанное – на совесть. Она была дочерью своего времени, певцом своего поколения. Ольгу Берггольц читали люди, работавшие вместе с нею в годы довоенных пятилеток, сражавшиеся за Ленинград в блокаду, строившие Волго-Донской канал. Но самое важное, это то, что в её книги до сих пор вчитываются. И в них можно увидеть не только Прошлое. Книги Берггольц помогают нам задуматься о Будущем.

Это – лучшая дань поэту, сжегшему свое сердце, чтобы идущие вослед лучше видели дорогу.

Но точнее и правдивее характеризуют Ольгу Фёдоровну, как человека большой души, доброго и любящего жизнь, людей, её же слова, которыми она завершила одну из своих публицистических статей: «...Я хочу просыпаться с ощущением, что за окном – огромный, дружный, работающий мир. Мир, где нет ничейной земли ни между союзниками, ни между противниками. Нет ничейной земли, но есть земля цветов и злаков, земля деревьев и зверей, земля труда и любви – человеческая Земля. Мир, звучащий миллионами звуков... Мне хочется проснуться и подойти к окну, открытому в такой мир, и сказать так, чтобы это услышали народы и каждый человек в отдельности:

– Доброе утро, люди!»

Эти слова звучат в каждой книге Ольги Берггольц.

Литературно-поэтический вечер «Ольга Берггольц»

Ведущий 1. 27 января 1944 года – день великого ликования ленинградцев, день, которого ждали город-герой Ленинград и все его защитники. Каждый год в этот день отмечается снятие блокады. На Пискаревское мемориальное кладбище идут жители города, люди, приехавшие со всех концов страны. Здесь похоронены те, кто умер от голода и холода во время блокады. Их помнят, им приносят в этот морозный день живые цветы...

Ведущий 2. Мы хотим рассказать вам о ленинградской поэтессе Ольге Фёдоровне Берггольц, имя которой связано с Ленинградом, с периодом его самых тяжелых испытаний.

Ведущий 3. Вот что рассказывает поэтесса в автобиографии. (Все цитаты даются по кн.: Берггольц О. Собр. соч.: в 2 т. М., 1958.)

«Жизнь моя, как и большинства моих современников, так счастливо сложилась, что все главные даты её, все, даже самые интимные события, – совпадают с главными датами и событиями жизни нашей страны и народа, и одно переходит в другое. Я родилась в Петербурге за Невской заставой 16 мая 1910 года, именно там начала бить маленькая струйка, которая называется моей жизнью».

Ведущий 4. «Невская застава, Невская застава! Ночи, полные багровых зарев с Чугунного завода. Первая любовь моя. И то, что непередаваемо и невосполнимо... Зачем я не осталась там?

Заветной мечтой моей матери было, чтоб мы – я и сестра, – вырастая, становились всё больше похожими на «тургеневских девушек». Нет, «тургеневской» девушки из меня решительно не получилось».

Ведущий 2.

Перебирая в памяти бывшее,
я вспомню песни первые свои:
«Звезда горит над розовой Невою,
заставские бормочут соловьи...»
...Но годы шли все горестней и слаще,

земля необозримая кругом.
Теперь, – ты прав,
мой первый и пропащий, –
пою другое, плачу о другом...
А юные девчонки и мальчишки
они – о том же: сумерки, Нева...
И та же негa в этих песнях дышит,
и молодость по-прежнему права.

Ведущий 1. Как сумела она всё это вынести? Первый муж, поэт Николай Молчанов, умер от голода в блокаду. Две дочери умерли еще до ареста. Ирине не было восьми лет, Майе – года. Третий ребенок, которого ждала Берггольц, не родился: его сгубила тюрьма.

Ведущий 4. «В начале 1937 года меня обвинили «в связи с врагами народа», арестовали, исключили из партии... Во второй половине 1939 года я была освобождена, полностью реабилитирована и вернулась в пустой наш дом».

Ведущий 3.

Нет, не из книжек наших скудных,
подобья нищенской сумы,
узнаете о том, как трудно,
как невозможно жили мы.

Как мы любили – горько, грубо.
Как обманулись мы, любя,
как на допросах, стиснув зубы,
мы отрекались от себя.

И в духоте бессонных камер,
все дни и ночи напролет,
без слез, разбитыми губами
шептали: «Родина... Народ»...

И находили оправдания
жестокой матери своей,
на бесполезное страданье
пославшей лучших сыновей...

Ведущий 2. «Я пробыла в городе на Неве всю блокаду. Николай умер от голода в 1942 году. То, что мы останемся в Ленинграде, как бы тяжело ни сложилась его судьба, – это мы решили твердо, с первых дней войны.

Я должна была встретить испытание лицом к лицу. Я поняла: наступило мое время, когда я смогу отдать Родине всё – свой труд, свою поэзию. Ведь жили же мы для чего-то все предшествующие годы».

Ведущий 4. Любовь к Родине и способность заслонить – вот что помогло выжить и выстоять.

Я и в этот день не позабыла
горьких лет гонения и зла,
но в слепящей вспышке поняла:
это не со мной – с Тобою было,
это Ты мужалась и ждала.

Нет, я ничего не позабыла!
Но была б мертва, осуждена, –
встала бы на зов Твой из могилы,
все б мы встали, а не я одна.

Я люблю Тебя любовью новой,
горькой, всепрощающей, живой,
Родина моя в венце терновом,
с темной радугой над головой.

Он настал, наш час,
и что он значит –
только нам с Тобою знать дано.

Я люблю Тебя – я не могу иначе,
я и Ты по-прежнему – одно.

Ведущий 1. Что означало быть писателем в годы войны и ленинградской блокады? Означало за всё отвечать и не бояться смерти.

Ведущий 4.

Я никогда героем не была,
Не жаждала ни славы, ни награды.
Дыша одним дыханьем с Ленинградом,
я не геройствовала, а жила...

И если чем-нибудь могу гордиться,
то, как и все друзья мои вокруг,
горжусь, что до сих пор могу трудиться,
не складывая ослабевших рук.
Горжусь, что в эти дни, как никогда,
мы знали вдохновение труда.

В грязи, во мраке, в голоде, в печали,
где смерть, как тень, тащилась по пятам,
такими мы счастливыми бывали,
такой свободой бурно дышали,
что внуки позавидовали б нам.

О да, мы счастье страшное открыли, –
достойно не воспетое пока,
когда последней коркою делились,
последнею щепоткой табака...

Ведущий 1. Её называли «блокадной Мадонной». Она была красива той особой просвещенной красотой, которая несет на себе печать духовности и самоотверженности: правильные черты

лица, светлые, словно светящиеся волосы, большие серые глаза, умный спокойный взгляд.

По распоряжению горкома партии Ольга Берггольц была прикреплена к городскому Радиокомитету. И выступала по радио почти ежедневно. «Ленинградская поэма», «Февральский дневник» – сами названия её стихов говорят нам о дневниковом характере её творчества. День за днем, месяц за месяцем ведет она для измученных ленинградцев свой поэтический дневник. У них одни страдания, одна судьба, одно ожидание победы.

Ведущий 4.

А город был в дремучий убран иней.
Уездные сугробы, тишина.
Не отыскать в снегах трамвайных линий,
одних полозьев жалоба слышна.

Скрипят, скрипят по Невскому полозья:
на детских санках, узеньких, смешных,
в кастрюльках воду голубую возят,
дрова и скарб, умерших и больных.

Там с декабря кочуют горожане, –
за много верст, в густой туманной мгле,
в глуши слепых обледеневших зданий
отыскивая угол потеплей.

Вот женщина ведет куда-то мужа:
седая полумаска на лице,
в руках бидончик – это суп на ужин... –
свистят снаряды, свирепеет стужа.
Товарищи, мы в огненном кольце!

А девушка с лицом заиндевевшим,
упрямо стиснув почерневший рот,

завернутое в одеяло тело
на Охтинское кладбище везет...

Минута молчания. Стук метронома. Зажигаются свечи.

Ведущий 1. Оказалось, что у полуумирающего Ленинграда существует только одна форма связи с внешним миром, это «тарелка» радио. Отсюда, из этого черного круга на стене, доходили до человека людские голоса: значит, где-то за стенами его дома живут люди, живет город, страна, они борются, они сопротивляются...

Даже если радио не говорило, а только стучал метроном – и то было легче: это означало, что город жив, что сердце его бьется.

Ведущий 3. «Враги думали, что после всех мук, которыми они подвергли и еще подвергают наш город, мы будем страшиться Ленинграда: но нам ли бояться тебя, родной город, закаливший нас, подаривший нам новые силы, новую дерзость. Новую мудрость».

Нам от тебя теперь не оторваться.

Одной небывалою борьбой,
одной неповторимою судьбой

мы все отмечены. Мы – ленинградцы.

Ведущий 1. С каждым днем в городе таяли запасы продовольствия. Были сокращены его нормы. Рабочие и инженерно-технические работники получали в день всего 250 граммов хлеба, служащие, иждивенцы и дети – по 125. Муки в этом хлебе почти не было, его выпекали из отрубей, мякины. Целлюлозы. Хлеб был почти единственным питанием ленинградцев. Зимой 1941/42 года в городе не было топлива и электроэнергии.

Истощенные голодом, измученные непрерывными бомбежками, обстрелами ленинградцы жили в неотапливаемых домах. В квартирах тускло чадили коптилки. Замерзли водопровод и канализация. За водой для питья приходилось ходить на набережную Невы, спускаться на лед и делать проруби. Потом под обстрелом доставлять воду домой. В городе остановились трамваи,

троллейбусы, автобусы. На работу нужно было ходить пешком по занесенным снегом улицам.

Смерть входила во все дома. Свыше 640 тысяч ленинградцев погибли от голода.

Ведущий 2. Страна помогала Ленинграду в его героической борьбе. С Большой земли в осажденный город с невероятными усилиями доставляли продукты и топливо. Неперерезанной оставалась лишь узкая полоска воды Ладожского озера. Но поздней осенью Ладога замерзла, и эта единственная ниточка, связывающая город со страной, оборвалась. И тогда по ладожскому льду проложили автомобильную трассу. От неё зависело спасение жителей Ленинграда, обеспечение фронта всем необходимым. 22 ноября 1941 года по еще не окрепшему льду пошли первые грузовики с мукой.

Ведущий 4.

Дорогой жизни шел к нам хлеб,
дорогой дружбы многих к многим.
Еще не знают на земле
страшней и радостней дороги.
<...>

Казалось, что конец земли...
Но сквозь остывшую планету
на Ленинград машины шли:
он жив еще. Он рядом где-то.

Ведущий 2. В осажденном городе работали 39 школ. Да, поверить трудно, но это факт: даже в жутких условиях блокадной жизни школьники учились. Разве не торжество жизни, что именно в Ленинграде только одно ремесленное училище обучило этой зимой и отправило за кольцо на предприятия страны более 500 молодых умелых мастеров!

А одна табачная фабрика освоила за зиму 14 совершенно различных и не свойственных ей производств, в том числе научилась изготавливать превосходные лекарства.

А разве не торжество жизни, что Публичная библиотека – одно из величайших книгохранилищ мира – работала в Ленинграде всю зиму, участвовала в обороне города, в защите цивилизации и культуры?

И город выстоял, выжил!

И час прорыва блокады наступил в ночь с 18 на 19 января 1943 года.

Ведущий 4.

...О дорогая, дальняя, ты слышишь?

Разорвано проклятое кольцо!

Ты сжала руки, ты глубоко дышишь,
в сияющих слезах твое лицо.

Мы тоже плачем, тоже плачем, мама,
и не стыдимся слез своих: теплей
в сердцах у нас, бесслезных и упрямых,
не плакавших в прошедшем феврале.

Да будут слезы эти как молитва.
А на врагов – расплавленным свинцом
Пусть падут они в минуты битвы
за все, за всех, задушенных кольцом.

За девочек, по-старчески печальных,
у булочных стоявших, у дверей,
за трупы их в пикейных одеяльцах,
за страшное молчанье матерей...

...О, как мы встретим наших ленинградцев,
не забывавших колыбель свою!
Нам только надо в городе прибраться:
он пострадал, он потемнел в бою.

Но мы залечим все его увечья,
следы ожогов злых, пороховых.
Мы в новых платьях выйдем к вам
навстречу.
к «стреле», пришедшей прямо из Москвы.

Я не мечтаю – это так и будет,
минута долгожданная близка,
но тяжкий рев разгневанных орудий
еще мы слышим: мы в бою пока.

Еще не до конца снята блокада...
Родная, до свидания!
Иду
к обычному и грозному труду
во имя новой жизни Ленинграда.

Ведущий 1. «Ольга Берггольц – великая дочь Ленинграда, первый поэт блокады. Её голос, полный неподдельной любви и сострадания к ленинградцам, голос, взывающий к жизни, к борьбе. Ей выпало великое и трудное счастье стать поэтической музой, поэтическим знаменем блокадного Ленинграда» (Фёдор Абрамов).

Именно ей принадлежала скорбная честь создать слова, навеки высеченные на гранитной стене Пискаревского мемориального кладбища.

Ведущий 4.

Здесь лежат ленинградцы.
Здесь горожане – мужчины, женщины, дети.
Рядом с ними солдаты-красноармейцы.
Всею жизнью своею
они защищали тебя, Ленинград,

колыбель революции.

Их имен благородных мы здесь перечислить не сможем,

так их много под вечной охраной гранита.

Но знай, внимающий этим камням:

никто не забыт и ничто не забыто...

Список литературы, рекомендованной к изучению

1. Берггольц, О. Собрание сочинений : в 3 томах / О. Берггольц ; редколлегия: Г. Горбовский и др. – Ленинград : Художественная литература, Ленинградское отд-ние. – 1988–1990. – ISBN 5-280-00115-5.

Т. 1 : Стихотворения, 1924–1941. Проза. 1930–1941. – 1988. – 678 с. – ISBN 5-280-00116-3.

Т. 2 : Стихотворения и поэмы. 1941–1953 ; Проза, 1941–1954. – 1989. – 431 с. – ISBN 5-280-00255-9.

Т. 3: Стихотворения и поэмы. Пьесы. Проза, 1954–1975. – 1990. – 527 с. – ISBN 5-280-01823-6.

2. Берггольц, О. Избранные произведения / О. Берггольц. – Ленинград : Советский писатель, Ленинградское отд-ние, 1983. – 607 с.

3. Берггольц, О. Ф. Голос : Избранные сочинения и поэмы / О. Ф. Берггольц. – Москва : Книга, 1985. – 318 с.

4. Берггольц, О. Ф. Дневные звезды / О. Ф. Берггольц ; гравюры А. Ушина. – Ленинград : Художественная литература, Ленинградское отд-ние, 1985. – 256 с.

5. Берггольц, О. Ф. Мой дневник : том 1 : 1923–1929 / О. Ф. Берггольц ; составление, текстологическая подготовка, подбор иллюстраций Н. А. Стрижковой ; вступительные статьи Т. М. Горяевой, Н. А. Стрижковой ; комментарии, указатели О. В. Быстровой, Н. А. Стрижковой. – Москва : Кучково поле, 2016. – 768 с. : 16 л. ил. – ISBN 978-5-9950-0581-0.

6. Берггольц, О. Ф. Мой дневник : том 2 : 1930–1941 / О. Ф. Берггольц ; составление, текстологическая подготовка, подбор иллюстраций Н. А. Стрижковой ; вступительные статьи Т. Ю. Красовицкой, Н. А. Стрижковой ; комментарии Н. А. Громо-вой, Н. А. Стрижковой. – Москва : Кучково поле, 2017. – 824 с. : 16 л. ил. – ISBN 978-5-9950-0765-4.

7. Берггольц, О. Стихи. Проза / О. Берггольц. – Москва ; Ленинград : Гослитиздат, 1961. – 550 с.

8. Воспоминания Ольги Берггольц / составители: Г. М. Цурикова, И. С. Кузьмичев. – Ленинград : Лениздат, 1978. – 591 с.

Литература о жизни и творчестве Ольги Берггольц

1. Аннинский, Л. А. Ольга Берггольц: «Я... ленинградская вдова» / Л. А. Аннинский // Общественные науки и современность. – 2005. – № 4. – С. 155–166.

2. Банк, Н. Ольга Берггольц : критико-биографический очерк / Н. Банк. – Москва ; Ленинград : Советский писатель, 1962. – 170 с.

3. Берггольц Ольга Федоровна // Писатели нашего детства. 100 имен : биографический словарь в 3 частях / гл. редактор С. И. Самсонов. – Москва. 1999. – Часть 2. – С. 68–70. – Библиогр. в конце ст.

4. Васянин, А. Прибитая тетрадь : в Москве в музее истории ГУЛАГа представили первый том дневников Ольги Берггольц / А. Васянин // Российская газета. – 2017. – 19 мая (№ 107). – С. 12.

5. Гранцева, Н. Антикассандра / Н. Гранцева // Нева. – 2010. – № 10. – С. 173–179.

6. Ефимов, Е. Неизвестная статья Ольги Берггольц об Анне Ахматовой / Е. Ефимов // Знамя. – 2001. – № 10. – С. 139–149.

7. Кураев, М. К 100-летию со дня рождения О. Берггольц. Берггольц и первоороссияне / М. Кураев // Нева. – 2010. – № 5. – С. 207–212.

8. Лакшин, В. Я. Ольга Берггольц / В. Лакшин // Голоса и лица / В. Лакшин. – Москва, 2004. – С. 364–397.

9. Лайдерман, Н. Л. Лирический дневник (В. Солоухин, О. Берггольц, Ю. Смутул) / Н. Л. Лайдерман, М. Н. Липовецкий // Современная русская литература : 1950–1990 годы : учебное пособие для студентов высших учебных заведений : в 2 томах / Н. Л. Лайдерман, М. Н. Липовецкий. – Москва, 2003. – Том 1 : 1953–1968. – С. 142–143.

10. Лебина, Н. «...Нас вместе называют – Ленинград» / Н. Лебина // Вокруг света. – 2003. – № 10. – С. 122–127.

11. Масловская, А. «И никогда не поздно снова...» / А. Масловская // Нева. – 1999. – № 12. – С. 229–230.

12. Парпара, А. «И навсегда – навстречу жизни» : [о поэте О. Берггольц] / А. Парпара // Литературная газета. – 2015. – 6–12 мая (№ 18). – С. 4.

13. Пронина, Е. П. Берггольц Ольга Федоровна / Е. П. Пронина // Русские писатели, XX век : библиографический словарь : в 2 частях / редколлегия Н. А. Грознова ; под редакцией Н. Н. Скатова. – Москва, 1998. – Часть 1. А–Л. – С. 165–174.

14. Пьяных, М. Эпос и лирика воюющей России (Александр Твардовский и Ольга Берггольц) / Михаил Пьяных // Звезда. – 1995. – № 5. – С. 166–174.

15. Рубашкин, А. «Луна гналась за нами, как гепеушник» / А. Рубашкин // Звезда. – 2010. – № 5. – С. 163–169.

16. Соколовская, Н. «Тюрьма – исток победы над фашистом» / Н. Соколовская // Звезда. – 2010. – № 5. – С. 158–162.

17. Стрижкова, Н. А. «Надо выжить и написать обо всем этом книгу...» : из блокадного дневника О. Ф. Берггольц 1941 г. / Н. А. Стрижкова // Отечественные архивы. 2014. – № 1. – С. 101–118.

18. Струпинина, Н. А. «Голос, вызывающий к жизни» : к 105-летию со дня рождения Ольги Берггольц / Н. А. Струпинина // Литература в школе. – 2015. – № 4. – С. 15–19. – Библиогр. в конце ст.

19. Фoniaков, И. Испытание на разрыв / И. Фoniaков // Звезда. – 2000. – № 5. – С. 231–238.

20. Хренков, Д. Т. От сердца к сердцу : о жизни и творчестве Ольги Берггольц / Д. Т. Хренков. – Ленинград : Советский писатель, Ленингр. отд-ние, 1982. – 255 с.

21. Шеваров, Д. 372 обледеневшие ступени : склонившись над блокадным дневником Ольги Берггольц / Д. Шеваров // Российская газета. – 2017. – 26 января. – 1 февраля (№ 17). – С. 30.

Открывая книжные страницы...

«Свобода сердца моего»

Методико-библиографический материал
к 110-летию Ольги Берггольц

Составитель

Мария Григорьевна Костина

Оригинал-макет подготовлен в редакционно-издательском отделе
Национальной библиотеки им. А. С. Пушкина РМ

Компьютерная верстка и техническая редакция
М. А. Кузьминой

Формат 60 x 84 1/16. Печ. л. 3. Тираж 40 экз. Заказ № 11
ГБУК «Национальная библиотека им. А. С. Пушкина Республики Мордовия»
430005, г. Саранск, ул. Б. Хмельницкого, д. 26, тел. 8(8342)48-08-58
[http: // www.natlibraryrm.ru](http://www.natlibraryrm.ru)
e-mail: library@moris.ru.

